

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Человек на старом Русском Севере: между свободой воли и структурным принуждением (исторический очерк в терминах экзистенциальной социологии)^{1,2}

В.И. ИЛЬИН*

***Владимир Иванович Ильин** – доктор социологических наук, кандидат исторических наук, профессор, кафедра социологии культуры и коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет; ассоциированный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН. Адрес: 191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3. E-mail: ivi-2002@yandex.ru

Цитирование: Ильин В.И. (2020) Человек на старом Русском Севере: между свободой воли и структурным принуждением (исторический очерк в терминах экзистенциальной социологии) // Мир России. Т. 29. № 3. С. 6–27. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-3-6-27

Целью данной статьи является анализ мобильности населения старого Русского Севера в терминах экзистенциальной социологии. Задача решается на основе вторичного анализа исторической литературы и официальной статистики. Ключевой исследовательский вопрос: зачем люди жили и до сих пор живут в неблагоприятных климатических условиях при наличии в стране иных вариантов? Современный ракурс того же вопроса: зачем из этих мест уезжают люди, чьи предки жили тут веками?

С одной стороны, миграционное поведение индивидов объяснимо конкретно-историческими объективными факторами, не зависящими от них: природными условиями, влияние которых зависит от характера производительных сил в данную эпоху и в данном месте, геополитической ситуацией, внутренней политикой государства, экономическим развитием страны, системой культуры и т.д. В русле этой логики индивид выступает лишь исполнителем навязанной ему воли.

С другой стороны, индивиды обладают определенной свободой воли и выбора цели, а также пути к ней даже в самых узких щелях объективных структур. Интеграция двух

¹ Исследование проводится при поддержке Российского научного фонда. Грант №19-18-00562 «Социально-экологические детерминанты трансформации образа жизни и социального развития современных сельских сообществ в условиях депопуляции (на примере районов Ближнего Севера России)» и Угорского проекта Сообщества профессиональных социологов.

² Статья опубликована в рамках проекта НИУ ВШЭ по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций «Университетское партнерство».

типов факторов мобильности происходит через индивидуализацию обстоятельств: в одних и тех же условиях разные индивиды выбирают различные стратегии поведения, исходя как из своих индивидуальных возможностей, так и из личных устремлений, пропитанных духом эпохи. В итоге мы наблюдаем в каждый исторический период особый набор доминирующих или значимых моделей мобильности. Их важной составной частью являются степень индивидуальной свободы и комплекс мотивов мобильности.

В современных условиях мобильность жителей данного региона обусловлена не только динамикой его социально-экономического развития, во многом predeterminedной неолиберальными реформами и региональной политикой центра, но и серьезным сдвигом в системе доминирующих ценностных ориентаций, в которых все более заметное место занимают гедонистические ценности общества потребления. Результатом является тренд к сокращению общей численности населения региона и социальному опустыниванию части сельских территорий, и продолжавшаяся веками цивилизационная экспансия сменилась сжатием.

Ключевые слова: экзистенциальная социология, социология жизни, Русский Север, цивилизационное сжатие, мобильности, жизненный мир, система социальной навигации, смысл жизни, социальная самореализация

Мобильности в терминах экзистенциальной социологии повседневности

Когда путешествуешь по отечественному Северу, особенно по его сельской местности и малым городам, имея опыт жизни в иных регионах страны и мира, трудно избавиться от вопроса: «Почему люди живут в этих суровых климатических и социальных условиях, когда в мире так много комфортных мест?». В то же время возникает и близкий к нему, но противоположный по смыслу вопрос: «Почему сейчас все больше людей уезжает из мест, где их предки жили веками, бросая освоенные ими поля и луга, а нередко и жилье?»

Большинство исследований по этой тематике посвящены миграционной и социально-экономической политике государства (например, [Коротаев 2004; Лыткина, Фаузер 2016; Фаузер В.В., Лыткина, Фаузер Г.Н. 2015]). Однако на эти вопросы можно попытаться ответить и в терминах экзистенциальной социологии повседневности [Штомпка 2009; Ильин 2016] или во многом совпадающей с ней по предмету, но более масштабной социологии жизни [Тощенко 2016; Тощенко 2018].

Исходным принципом экзистенциализма является наличие у индивида той или иной степени свободы выбора даже в самых безвыходных обстоятельствах: даже тюремную камеру можно либо принять как «нормальную» неизбежность, либо пытаться бежать или биться головой о стену. Как отмечал Ж.-П. Сартр, всякое действие предполагают некоторую среду и человеческую субъективность, но при этом надо исходить из субъекта [Сартр 1989]. Человек «есть лишь то, что сам из себя делает», а делает он себя из доступных ему ресурсов как материальных, так и культурных.

Дж. Урри использует категорию мобильности в качестве ключевой метафоры, которая покрывает не только традиционную для социологии социальную мобильность, но и перемещения в физическом пространстве [Урри 2012]. Если смотреть

на этот процесс через экзистенциалистскую призму, то в данном случае люди в своих поисках смысла жизни стоят перед дилеммой «остаться или уехать?». Последний вариант сужается до вопроса «куда?», при этом индивид несет все бремя ответственности за непредсказуемые последствия миграции.

Макро- и микроуровни социальной реальности существуют не только как разные уровни, но и как различные взаимодополняющие ракурсы ее восприятия. Ж.-П. Сартр описывал экзистенциалистский метод как «челночное движение»: «на основе изучения эпохи мы, продвигаясь вперед (*progressivement*), воссоздадим биографию, а на основе изучения биографии охарактеризуем эпоху» [Сартр 1994, с. 167]. Смысл миграционных потоков мы можем понять, взглядываясь в логику поведения его «молекул»-индивидов.

Говоря словами Э. Гидденса, социальная структура имеет дуальный характер: с одной стороны, она навязывает людям логику их поведения, создавая возможности и ограничивая их; с другой, она существует как конфигурация практик индивидов [Гидденс 2005]. Статус глубинки конструируется не только физической удаленностью от центров, но и в первую очередь застойностью процессов мобильности. Это социальное болото, через которое не идут освежающие потоки человеческих, информационных и прочих ресурсов [Ильин 2010]. И здесь встает принципиально противоположный вопрос: «Почему люди из поколения в поколение остаются в местах с неблагоприятными природными и социальными обстоятельствами?»

В анализе истории миграций, которые во многом формируют историю Севера, обычно превалирует вульгарно материалистический подход: люди шли все дальше и дальше, гонимые материальными факторами. Однако если посмотреть на историю освоения новых земель в эпохи, оставляющие субъективные документы, то можно легко заметить наличие принципиально иной мотивации: это самореализация личности через преодоление себя и обстоятельств. Вполне обоснованно можно предположить, что средневековые люди, осваивая новые земли, имели схожие потребности и жили «не хлебом единым».

Изучение этой проблемы возможно на стыке экзистенциальной социологии и ситуационного анализа [Левин 2000; Росс, Нисбет 1999]. Индивид постоянно оказывается в той или иной точке пересечения пространства и времени, например, деревня X в феодальный или современный период, зимой или летом, и грань между объективными и субъективными компонентами ситуации условна. Как гласит «теорема Томаса», «ситуации, которые люди определяют как реальные, реальные по своим последствиям» [Thomas W., Thomas D. 1928, p. 572]. Индивид, выбирая стратегию мобильности, несет все бремя объективных последствий. Традиционно при принятии таких решений доминировала логика жизненной колеи (легче остаться, чем уйти). В настоящее время механизмы ее воспроизводства размываются, открывая простор для стратегии социального серфинга, в том числе в географическом пространстве [Ильин 2017; Ильин 2019].

Ключевым инструментом принятия решений является жизненный мир, который можно охарактеризовать с помощью метафоры социального навигатора. Лес, река, поле входят в жизненный мир как систему социальной навигации, будучи маркированными ответом на вопрос «зачем они мне?»: так, образ леса может войти в сознание индивида и как место обитания лешего, и как источник дров, и как предмет туристического созерцания, при этом все его ненужные свойства выводятся за скобки конкретной ситуации. Система социальной навигации,

с одной стороны, – это порождение практик, а с другой, она программирует способы освоения окружающего мира. Леса, реки и луга Севера имеют в разные эпохи совершенно разные смыслы.

Эта статья представляет собой теоретико-методологическое обоснование эмпирического исследования образа жизни населения старого Русского Севера, где с давних времен славянское и финно-угорское население проживало бок о бок и в определенной мере смешалось. Границы объекта данного исследования достаточно условны и не имеют отношения к обоснованию границ региона как географической и историко-географической единицы, и территория нас интересует только как пространство возможностей социальной самореализации через использование жизненных шансов. У рассматриваемого региона есть общность специфической истории, природных ресурсов и социального положения. Из объекта исключена Ленинградская область, так как она длительное время занимала промежуточное положение между русскими и шведскими владениями, а с XVIII в. вплоть до наших дней развитие заметной ее части обусловлено близостью к столице, а потом – просто к мегаполису, и это совершенно иная логика развития.

Периоды до 1917 года

Уместность обращения к столь давнему прошлому в социологическом исследовании обоснована тем, что русское население региона сложилось именно в эту эпоху. После этого была запущена логика социальной инерции: для миграции отсюда нужны уже более веские причины, которые в традиционном обществе должны были быть чрезвычайно значимыми.

Разумеется, мы не можем ответить на наш исследовательский вопрос, прибегая к основным методам экзистенциальной социологии – глубинным интервью и анализу личных документов. Субъективная жизнь, как отмечал Ж.-П. Сартр, поскольку она переживается, «по самой своей сути ускользает от познания» [Сартр 1994, с. 13]. Остается полагаться на историческую реконструкцию, субъективный компонент которой не выходит за рамки статуса гипотезы, которая никогда не будет доказана.

Более или менее обоснованным является использование в качестве исходной точки реконструкции представления о средневековом жителе этого региона как обладателе универсальных базовых потребностей: его волновали проблемы обеспечения физического выживания и безопасности. О духовных факторах можно судить с большими сомнениями (иконы и сакральные книги лишь косвенно свидетельствуют о реальной духовной жизни людей).

Какие обстоятельства удерживали население в этих регионах? Здесь переплетаются два процесса. С одной стороны, автохтонное население – русское и финно-угорское (в основном крестьяне) – проживало в этом регионе с доисторических времен. Веками формировалась колея крестьянского образа жизни, удерживавшая людей в одном месте даже в самых тяжелых условиях, принимаемых как данная богом судьба. С другой стороны, шел процесс русской и частично финно-угорской колонизации северных территорий (например, продвижение коми на север). Часть населения в силу мотивов, о которых можно догадываться, уходила все дальше

и дальше в малонаселенные районы Севера, при этом южное направление почти не рассматривалось в качестве возможного вектора передвижения. В феодальный период население просто продолжало жить в исторической колее, для выхода из которой требовались чрезвычайные выталкивающие обстоятельства, но их не было.

Таким образом, в той исторической ситуации это был оптимальный регион для расселения: природные издержки с лихвой компенсировались относительной военной безопасностью. Кроме того, в ту эпоху дары дикой природы компенсировали ограниченные возможности северного сельского хозяйства. Русский Север оказался вне зоны татаро-монгольского нашествия, повлекшего тектонические цивилизационные сдвиги, и мигрировать в более теплые края с бесконечной междоусобицей князей и постоянными набегами кочевников было просто небезопасно.

Совершенно особая форма мобильности этого времени – дальнейшее продвижение на север и северо-восток. Что-то гнало людей в неизвестность, мрак которой трудно представить современному человеку. Судя по имеющимся данным, можно реконструировать два типа мотивов. (1) Бояре и купцы организовывали колонизацию, движимые жадной наживы, что являлось универсальной причиной географических открытий и освоения новых земель в феодальную эпоху. (2) Так называемый простой люд, видимо, имел более сложный набор мотивов: наличие зависимости от организаторов экспедиций, та же надежда на наживу, но больше в виде доступа к малоосвоенным промыслам, плюс уход под благовидным предлогом подальше от государственной власти, которая ничего не могла предложить, кроме повинностей и податей.

Нельзя отбрасывать и другие ключевые мотивы всех авантюристов и землепроходцев – погоню за впечатлениями, переживаниями и жажду познания. Если современный человек отправляется в опасные путешествия, не сулящие ничего, кроме материальных издержек и рисков, то почему не предположить, что и люди прошлого не были равнодушны к романтике? Кроме того, опыт путешественников того времени показывал, что уход в дальние края отнюдь не гарантировал в придачу к рискам и обогащение.

После присоединения новгородских, псковских и других северных земель к Москве (вторая половина XV в.) конфигурации мобильностей существенно изменились. В этот период движение на Север опиралось на социальную энергию разного типа. Во-первых, государство из геополитических и фискальных соображений организовало колонизацию этого региона, стимулируя крестьян из других регионов к переселению. В этом потоке переплетались государственная воля и личный интерес переселенцев, уходивших в первую очередь от безземелья. Во-вторых, государство организовывало принудительную колонизацию, ссылая сюда преступников и вообще неугодных и подозрительных подданных. В-третьих, все это время шла стихийная колонизация, когда крестьяне, не доверяя власти, уходили и от малоземелья, и от государственного контроля [Коротяев 2012]. Однако миграции в этом регионе не были односторонними: периодические неурожаи, истощение иных природных ресурсов и произвол властей толкали местное население к перемещению не только на север: например, в XVII в. коми крестьяне уходили от неурожая в Прикамье, Казанский уезд и Сибирь [Фаузер, Парначев 1998, с. 14; Жеребцов 1989].

После подчинения Великого Новгорода Москве этот регион на время потерял былое преимущество как относительно безопасного места для жизни: зачистки ряда территорий в борьбе за централизацию превратили их в зону социального

бедствия; укрепление российского государства проявлялось в ужесточении налоговой политики. Все это стимулировало движение дальше на север, другого пути ухода не было. Социальным преимуществом Русского Севера было слабое развитие здесь крепостного права.

С конца XVII в. начался церковный раскол, и традиционные христианские символы ставились гораздо выше человеческих судеб, когда коса государственно-православия нашла на камень низового православного фундаментализма. Масса противников церковного обновления из Москвы, Новгорода, Нижнего Новгорода устремилась на север, действуя по устоявшемуся для русских земель принципу: чем дальше от государственной власти, тем больше свободы (на основании этого же принципа на юге и востоке формировалось и казачество). Свобода вероисповедания стала для многих мотивом жизни в тяжелых северных условиях.

В эту эпоху Север превращается также в место ссылки и заключения противников режима, именно тогда был заложен тренд в мобильности, достигший апогея в сталинский период. До присоединения Сибири Север занимал исключительное место в выполнении функции наказания и устрашения, уже Иван IV ссылал в вологодские монастыри неугодных бояр с их домочадцами, сюда же ссылали участников восстаний Булавина и Разина. Это стало началом репрессивной колонизации региона, однако система ссылки как вида уголовного наказания сложилась только в XIX в.; ссыльные эти места изначально не выбирали, они здесь были жертвами системы.

Таблица 1. Динамика численности населения северных губерний Российской империи (1811–1914 гг.), тыс. чел.*

Губернии	Годы		
	1811 г.	1914 г.	1914 г., % к 1811 г.
Псковская	782,0	1425,1	182,2
Вологодская	702,9	1751,6	249,2
Архангельская	210,0	483,5	230,2
Костромская	1074,0	1822,6	180,0
Новгородская	1006,3	1671,5	218,3
Олонекская	296,8	465,8	190,0
Всего по губерниям Европейской России (без Польши и Финляндии)	61 175,9	127 776,5	305,6

*рассчитано по: [Рашин 1956].

Таким образом, на протяжении всей монархической истории Русский Север как пространство обитания имел противоречивый статус: с одной стороны, он сохранял преимущества в силу своей удаленности от центра власти, а с другой, в силу и природных условий, и расположения он превращался в место наказания – каторги и ссылки. В целом в имперскую эпоху население региона росло за счет как естественного прироста, так и миграции (таблица 1). Например, население Коми края увеличилось с 27 700 чел. в 1646 г. до 170 600 в 1897 г.

[Фаузер В.В., Назарова, Фаузер Вл.В. 2010, с. 17]; население Озерного края (Олонецкая, Петроградская, Новгородская и Псковская губернии) выросло с 1 175 тыс. в 1719 г. до 4 965 тыс. в 1897 г., т.е. в 4,22 раза при среднегодовом приросте в 0,81% [Манаков 2016, с. 67]. Правда, локомотивом этого роста стал Санкт-Петербург, однако и по остальным губерниям также наблюдался рост: так, численность населения Псковского региона в период с 1719 по 1862 г. увеличилась в 2,71 раза [Дементьев 2017, с. 143]. Столица создавала эффект притяжения для населения соседних губерний, особенно Новгородской и Псковской.

Таким образом, если рассматривать демографический рост как косвенный индикатор выбора индивидов, то старый Русский Север имел статус достаточно привлекательного региона, хотя и уступал южным губерниям. Несмотря на уже наметившийся отток сельского населения из ряда губерний в города, естественный прирост его заметно перекрывал.

Централизация политической власти сопровождалась концентрацией в столице и ряде других крупных городов основных финансовых, культурных ресурсов. В этой ситуации те немногие жители Севера, которые осознали острую необходимость своей духовной самореализации, решились на миграцию в столицы. Наиболее известным первопроходцем на этом пути был М.В. Ломоносов (1711–1765 гг.), который в 1730 г. отправился в Москву; эта же модель социального самоутверждения гораздо позже была использована философом и писателем К.Ф. Жаковым (1866–1926 гг.) и социологом П.А. Сорокиным, уехавшими из Коми края в Санкт-Петербург, где и состоялась их профессиональная самореализация [Канев 1990; Сорокин 1991; Жаков 1996]³. Однако в те времена потребность в такой самореализации была сильна лишь среди очень узкого круга жителей региона.

Сталинская эпоха

Это была эпоха догоняющей модернизации варварскими методами, доступными только диктаторскому режиму, составной частью которой стала спецколониализация. В рамках этой политики способность индивидов принимать решения относительно своей мобильности была сведена к историческому минимуму.

Сразу же после окончания Гражданской войны Север снова начал превращаться в место ссылки и заключения. Постановление СНК СССР «Об использовании труда уголовно-заключенных» от 11 июля 1929 г. почти на три десятилетия определило миграционную политику в регионе. Согласно этому постановлению, лагеря должны были стать центрами освоения малонаселенных районов Севера: они не только обеспечивали хозяйственное строительство рабочей силой, но и принимали меры по закреплению бывших заключенных на этих территориях, переводили на вольное поселение досрочно освобожденных. В 1930-е гг. весь Европейский Север оказался покрыт сетью концлагерей и спецпоселков для «кулаков», выселенных из других регионов СССР. В 1929 г. (до начала массовой принудительной миграции) все население Коми области насчитывало 237 тыс. чел. [Лыткина,

³ Автобиографические труды К.Ф. Жакова [Жаков 1996] и П.А. Сорокина [Сорокин 1991] являются, пожалуй, первыми документальными материалами для экзистенциальной истории миграции на Русском Севере.

Фаузер 2016, с. 98]. В период коллективизации сельского хозяйства Коми область прекратилась в место ссылки «кулаков», чья численность в 1930-е гг. составляла 19–20 тыс. чел. [Доброноженко, Шабалова 2001, с. 54, 56]. В Коми АССР в 1940-х – начале 1950-х гг. количество заключенных колебалось в пределах 150–250 тыс. чел., спецпереселенцев – 30–40 тыс. чел. [Жеребцов, Попов, Сметанин 2011, с. 496] (по другим данным – 11,3 тыс. в 1950 г. [Доброноженко, Шабалова 1997, с. 235]). В 1940-е гг. удельный вес спецконтингента в населении Коми АССР превышал 40% [Фаузер В.В., Лыткина, Фаузер Г.Н. 2015]. Всего в Северном крае в 1930 г. насчитывалась 301 тыс. спецпереселенцев, в 1935 г. – 67 тыс. Сокращение их численности отчасти объясняется побегам: в 1938 г. в Архангельской области на учете стояли 89,7 тыс. трудпереселенцев, из них 51 тыс. находились в бегах, и в силу разных причин активные поиски не предпринимались [Коротяев 2004; Коротяев 2012]. Благодаря использованию принудительного труда (но не только ему) были построены новые города: Воркута, Инта, Ухта, Печора, Новодвинск и Северодвинск (изначально Молотовск).

В населении старого Русского Севера сформировались две группы: автохтонное местное население, проживавшее здесь веками, и принудительно завезенные сюда заключенные, спецпереселенцы и ссыльные. В условиях индустриализации лес превратился в стратегически важный ресурс и для экспорта, и для внутреннего строительства. В этой ситуации принудительный труд на лесозаготовках стал атрибутом местного образа жизни в сельской местности. Зона свободы стремительно сужалась.

В результате коллективизации местное (преимущественно сельское) население региона прошло через процесс раскрестьянивания, что означало разрыв веками складывавшихся органических уз, связывавших индивида с окружающей его освоенной природной средой, что создавало мощный стимул к миграции из деревни в город. В этих условиях удержание сельских жителей на земле обеспечивалось в первую очередь административными методами: введение в 1932 г. паспортной системы и разрешительной прописки означали жесткий контроль миграции из региона, особенно это касалось сельских жителей, которые для выезда должны были запрашивать разрешение на получение паспорта у руководства колхозов и совхозов, испытывавших перманентный дефицит рабочих рук. Надежными каналами миграции в города стали вербовка на стройки и промышленные предприятия и получение среднего или высшего профессионального образования, масштабы которого были очень ограничены. Только с 1974 г. колхозникам начали свободно, как и прочим гражданам, выдавать паспорта.

Поздняя советская эпоха

После смерти Сталина советское руководство столкнулось с противоречивой ситуацией: с одной стороны, ГУЛАГ надо было сворачивать, а с другой, никто не отменял хозяйственных задач на Севере, сформулированных в 1930–1940-е гг., и свертывание системы ГУЛАГ было чревато массовым оттоком рабочей силы с построенных и недостроенных здесь производственных мощностей. Десталинизация превращалась в огромный хозяйственный риск: если не будет

эзков, то кто останется работать? Поэтому процесс реструктуризации был растянут, и даже очевидно безвинных отпускали на волю неспеша, поскольку превыше всего учитывались интересы государства.

В то же время происходил переход от системы внеэкономического принуждения к миграции на Север в сторону ее морального и материального стимулирования. С одной стороны, была запущена государственная машина по производству романтического мифа о Севере, на поток было поставлено производство фильмов, книг, песен⁴. С другой стороны, постепенно формировалась система материального стимулирования, призванная привлечь и закрепить новых работников в северных регионах страны. Еще в указе Президиума Верховного Совета СССР от 1 августа 1945 г. были сформулированы принципы привлечения свободной рабочей силы в районы Крайнего Севера, например ежегодные надбавки к тарифной ставке (окладу) в размере 10% до достижения уровня в 100%, бронирование жилья по месту прежнего жительства. С 1950-х гг. активно функционировала система оргнабора рабочей силы, в которой свободный работник сам принимал решение об отъезде, но в то же время миграция (переезд, трудоустройство, место проживания) становилась предметом жесткого административного регулирования со стороны государственных и хозяйственных органов. Количество прибывших в Коми АССР по оргнабору в 1950-е гг. было сопоставимо с численностью заключенных – 125 тыс. чел. [Жеребцов, Попов, Сметанин 2011, с. 497]. Система материального стимулирования приобрела четкий и системный характер после указов Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1960 г. и 26 сентября 1967 г. Если прежде льготы распространялись в основном на работников, переведенных на Крайний Север министерствами и ведомствами, то с 1967 г. на них могли претендовать и те, кто устроился на работу самостоятельно. В перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к ним, вошли в рассматриваемом регионе части Архангельской области, Карельской и Коми АССР. Работники этих районов каждый год получали надбавку в размере от 10% от заработной платы (допускавшийся максимум – 100%). Кроме того, в этих районах обеспечивалось улучшенное снабжение товарами, предоставлялись удлиненный отпуск, бесплатный проезд к месту отдыха и льготная пенсия. Таким образом, была сформирована комплексная система мотивации жизни на Севере. Она лаконично представлена в куплете из песни Ю. Кукина «За туманом»: «Люди сосланы делами, / Люди едут за деньгами / Убегают от разлуки, от тоски, / А я еду, а я еду за туманом, за мечтами и за запахом тайги»⁵.

Это объясняет часто встречающийся парадокс: многие репрессированные после реабилитации не спешили возвращаться на родину. Кроме того, в этом регионе клеймо судимости даже по статьям, не попавшим под реабилитацию, не играло такой негативной роли, как в больших городах.

Работать на Севере постепенно становится и выгодно, и престижно. Слово «северянин» превратилось в синоним состоятельного среднего человека. Здесь легко было сделать карьеру и вернуться домой в качестве ценного специалиста

⁴ Наиболее яркими фигурами советского романтического мифотворчества стали Николай Добронравов и Александр Пахмутов.

⁵ Примечательна и интерпретация текста. В одном варианте, смеясь, подчеркивали слово «туман», подразумеваемая единица старой персидской валюты. В другом – переиначивали слова: «А я еду за деньгами / За туманом едут только дураки». Два типа мотивации неразрывно переплетались.

с опытом руководящей работы, отодвинув тех, кто оставался в столице на теплых канцелярских местах. Была введена система бронирования жилья и сохранения прописки для тех, кто уезжал на Север, поэтому москвич и в Воркуте оставался москвичом, который мог в любое время вернуться, но уже с северными накоплениями; некоторые задерживались там десятилетиями.

Провинция и глубинка – это категории, описывающие не удаленность от столицы, а ситуацию застоя на основе кругооборота местных человеческих ресурсов. Многие северные города, даже районного типа, не были провинциальными в отличие от таких же городов в центральной России в силу высокого уровня кругооборота кадров: одни сюда приезжали, а другие, заработавшие деньги и получившие ценный опыт, задокументированный в трудовой книжке, уезжали в более уютные места.

Таблица 2. Среднегодовые темпы изменения численности сельского населения Коми АССР*

Годы	Процент ежегодных изменений	Годы	Процент ежегодных изменений
1961–1965	+1,60	1976–1980	–0,85
1966–1970	–0,40	1981–1985	–0,25
1971–1975	–1,90	1986–1990	–0,70

*[Фаузер, Парначев 1998, с. 39].

Однако модернизация жилищных условий, характерная для городов, почти не коснулась сельского населения, оно в своем большинстве продолжало жить в традиционных избах, в которых веками жили их предки. Лишь появление электричества и телевидения (часто с очень большим запозданием) напоминало о том, что XX в. уже наступил. Архаичная система северных сельских дорог превращала большинство сел и деревень в труднодоступные; сохранились и резкое отставание сельской местности и по уровню развития социальной инфраструктуры, и разрыв в условиях и уровне оплаты труда. В этой ситуации, когда городские условия жизни были широко известны (благодаря СМИ, кино, а также личному опыту поездок), архаика сельской жизни не могла не превратиться в мощный фактор выталкивания населения из сельской местности в города: жить в селе стало непрестижно, поэтому молодежь после окончания школы стремилась уехать в город. Отмена в 1974 г. советского варианта крепостного права в виде отсутствия у колхозников паспортов также способствовала стимулированию урбанизации, хотя ее сдерживала система разрешительной прописки, особенно жесткая в Москве и Ленинграде. В селах активно шла вербовка для работы на промышленных и строительных объектах по всей стране. Возникла ситуация, когда уже было невозможно объяснить себе в терминах разумного эгоизма, зачем жить в оставшейся в прошлом северной деревне, если можно жить в современном городе. В этих условиях происходит переход к абсолютному уменьшению численности сельского населения. В каждой области или республике этот процесс имеет свою хронологию (см., например, Коми АССР, таблица 2). Объяснить этот отток сельского населения в города в поздний советский период только в экономических терминах нельзя: в сельской местности

работали предприятия, обеспечивалась почти полная занятость, а уровень оплаты труда был более или менее сопоставим с городским [Каганович 2007, с. 58].

Важным этапом в изменении сельской поселенческой структуры стала политика укрупнения деревень, когда жителям крошечных населенных пунктов предлагалось переселение в более крупные. В итоге множество деревень оказалось брошенными, их жители переехали либо в крупные села, либо в города. В целом на протяжении всего советского периода шел отток населения из сельской местности.

Постсоветская эпоха

Если проанализировать мобильность в рассматриваемом регионе через призму индивида, ищущего пути самореализации, то в постсоветскую эпоху произошли существенные сдвиги в системе его социальной навигации. Их смысл можно свести к тезисам: (1) природно-климатические условия как были неблагоприятными, так и остались; (2) социально-экономические условия перестали компенсировать природные издержки; (3) уехать стало гораздо проще; (4) в системе ценностных ориентаций произошел сдвиг в сторону потребительского гедонизма, что резко повысило осознаваемую непривлекательность жизни в северных регионах; (5) жизнь на Севере утратила былой престиж и романтическую привлекательность. Все это является результатом как рыночной трансформации, так и государственной политики вытеснения северных регионов, в основе которой лежит потребительский способ освоения природных и человеческих ресурсов Севера [Лыткина, Смирнов 2019].

При этом следует учитывать, что в районах, формально отнесенных к Северу, в известной мере высокие заработки, позитивно влияющие на средние показатели, получают в основном работники добывающей промышленности, среди которых заметную долю составляют вахтовики, постоянно проживающие в других регионах (таблица 3), а 40% занятых в регионах российского Севера имеют доходы на уровне среднероссийских и даже ниже [Лыткина, Смирнов 2019, с. 35].

Все это привело к тому, что во всех рассматриваемых регионах в постсоветский период произошло падение численности населения – максимально в Республике Коми (–31,71%), минимально в Вологодской области (–12,32%). И это случилось на фоне стремительного роста населения Москвы (+38,41%), ставшей центром притяжения национального масштаба и превратившейся в глазах мобильной молодежи в оптимальное место для социальной самореализации (таблица 4).

С 1990 до 2015 г. численность населения северных городов Республики Коми радикально упала: в Воркуте она составила 67,7% от уровня 1990 г., в Инте – 56,7%, в Вуктыле – 53,5%. Не меньшие потери понесли и многие сельские районы: в Троицко-Печорском этот показатель составил 53,8%, в Княжпогостском – 47,8%, в Усть-Вымском – 36,7% [Фаузер В.В., Лыткина, Фаузер Г.Н. 2015, с. 163].

Статистика, оперирующая средними показателями, сглаживает внутренние проблемы регионов. При общем сокращении своей численности население несколько увеличивается в местных столицах, куда стекаются как жители, так и материальные и финансовые ресурсы (таблица 5). Столицы также улучшают и показатели социального развития регионов, выравнивая вопиющее социально-территориальное неравенство внутри регионов.

Таблица 3. Среднемесячная номинальная начисленная зарплата по некоторым регионам России, 2000–2018 гг.*

	2000 г., руб.	% к РФ	2018 г., руб.	% к РФ
Костромская область	1 508	67,8	27 724	63,4
Республика Карелия	2 559	115	39 402	90,1
Республика Коми	3 559	160	50 413	115
Архангельская область	2 621	117	48 307	111
Вологодская область	2 562	115	35 457	81,1
Новгородская область	1 743	78	31 462	72,0
Псковская область	1 471	66,2	26 871	61,5
Москва	3 229	144	83 801	192,0
Российская Федерация	2 223	100,0	43 724	100,0

* [Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников 2000–2018].

Таблица 4. Динамика численности населения*

Регион	Годы				
	1970 г.	1990 г.	1970–1990 гг., %	2016 г.	1990–2016 гг., %
Республика Карелия	711	795	+11,81	630	–20,75
Республика Коми	967	1255	+29,78	857	–31,71
Архангельская область	1 394	1574	+12,91	1 174	–25,40
Вологодская область	1 294	1355	+4,71	1 188	–12,32
Новгородская область	720	753	+4,58	616	–18,19
Псковская область	878	844	–3,87	646	–23,46
Костромская область	867	805	–7,15	651	–19,13
Москва	7 148	8 908	+24,62	12 330	+38,41
РФ	131 755	150 126	+13,94	146 545	–2,39

* [Динамика численности населения регионов России в 2015 г. 2017].

Таблица 5. Концентрация ресурсов в региональных центрах, % от всего региона, 2013 г.*

Регион	Население	Ввод общей жилой площади	Объем розничного товарооборота
Архангельск	30,0	29,0	49,0
Великий Новгород	31,5	43,1	41,4
Вологда	25,9	25,4	53,9
Петрозаводск	42,9	65,5	63,1
Сыктывкар	29,6	47,9	64,4

* [Регионы России (2) 2014].

Неолиберальные реформы особенно сильно ударили по сельскому хозяйству регионов, находящихся в неблагоприятных климатических условиях. Однако официальная статистика показывает, что в постсоветский период численность сельского населения не только стабилизировалась, но и немного увеличилась (на Русском Севере на 1–2%). Статистический парадокс, видимо, можно объяснить, во-первых, процессами субурбанизации (новые жилища горожан строятся на территориях пригородных сельских поселений); во-вторых, сокращением числа поселков городского типа, переведенных в период между переписями 2002 и 2010 г. в категорию сельских поселений; в-третьих, ослаблением роли регистрации (прописки), разрешающей трудоустройство в городе с деревенской пропиской.

Таблица 6. Динамика посевных площадей (1970–2015 гг.), тыс. га*

Регион	Годы				
	1970 г.	1990 г.	2015 г.	%, 2015 г. к 1970 г.	%, 2015 г. к 1990 г.
РСФСР / РФ	121,9	117,7	79,3	65,1	67,4
Новгородская область	476,7	484,8	178,5	37,5	36,8
Псковская область	887,6	874,7	245,3	27,6	28,0
Костромская область	585,9	661,7	192,0	32,8	29,0
Вологодская область	749,6	815,1	372,4	49,7	45,7
Архангельская область	266,0	295,1	77,0	29,0	26,0
Республика Карелия	68,4	82,8	32,5	47,5	39,3
Республика Коми	83,9	100,5	40,7	48,5	40,5

* [Посевные площади 2017].

Веками активно используемые территории в настоящее время демонстрируют тенденцию к социальному опустыниванию, которая проявляется (1) в сокращении посевных площадей, зарастающих дикими растениями, подвергающихся заболачиванию (таблица 6); (2) в увеличении числа населенных пунктов, умерших (уже без населения) и активно умирающих (с мизерным количеством жителей в основном пожилого возраста); (3) в деградации ставшей ненужной инфраструктуры (дорог, линий электропередач, образовательных учреждений, торгового и медицинского обслуживания). Эти тренды порождают цепную реакцию социального опустынивания: плохие социальные условия выталкивают молодежь из села, что ведет к росту удельного веса нетрудоспособного населения и сокращению численности работников, за этим следуют сокращение поступления налогов в местный бюджет и ухудшение социальной инфраструктуры, что еще более усиливает действие фактора выталкивания. В условиях характерной для северных регионов низкой плотности сельского населения его сокращение вполне закономерно сразу же порождает проблему отсутствия рабочих рук для обработки земли, переплетающуюся с низкой эффективностью используемых сельхозугодий, что выдвигает на первый план вопрос «а стоит ли овчинка выделки?».

В Российской Федерации в период между переписями (2002–2010 гг.) вырос удельный вес населенных пунктов с численностью жителей менее 10 чел. с 1/5 от общего числа сельских поселений до 1/4; особенно много их в Центральном и Северо-Западном федеральном округах: в Ярославской, Вологодской, Новгородской и Псковской областях их удельный вес превысил 40% (по РФ – 12,7%) [Щербакова 2011]. Замена жесткой разрешительной прописки более либеральной системой уведомительной регистрации сняла прежние достаточно серьезные преграды для миграции с Севера в другие города страны, в том числе и в столицу. В настоящее время на пути переезда уже не стоят административные барьеры, резко выросла роль индивидуального выбора в формировании миграционной траектории.

Развал командного хозяйства и хаотичный переход к рынку, который сначала был более похож на базар, разрушили всю прежнюю систему стимулирования жизни на Севере. Здесь по-прежнему холодно, короткое лето, мало солнца, но, помимо этого, жить стало вдруг экономически совершенно невыгодно: сохранившаяся система районных коэффициентов с лихвой перекрывается ростом цен, которые опираются уже не на указания Госплана, а на издержки производства и транспортировки, погоню бизнеса за прибылью. Множество предприятий не выдержали перехода к рынку и закрылись; многие работники потеряли квалификацию и вышли на рынок труда в качестве самой простой рабочей силы.

В этих условиях чемоданные настроения охватили достаточно широкие слои населения региона. Как показал социологический опрос в Республике Коми, основными причинами появления мыслей об отъезде являются «желание сменить климат, место жительства, Север на Юг или среднюю полосу» (46,9%); «желание вернуться на родину, к родителям, родственникам» (12,4%); «у населенного пункта, в котором проживают, нет будущего, так как не развивается производство» (10,3%); «нет возможности материально обеспечить семью» (8,1%); «нет возможности дать образование детям и найти им работу по месту жительства» (5,7%); «угроза потери работы и отсутствие возможности трудоустроиться» (5,5%); «по семейным обстоятельствам» (4,7%); «по состоянию здоровья» (4,2%); другие причины (2,2%) [Фаузер В.В., Назарова, Фаузер Вл.В. 2010, с. 102].

Особенно серьезно рыночный транзит сказался на сельском хозяйстве. Говоря в терминах экзистенциальной социологии, заброшенные сельхозугодья – это продукт переопределения реальности. Во-первых, если смотреть с точки зрения работников, то на Севере заметно и быстро сокращается число людей, представляющих сельское хозяйство как пространство своей личностной самореализации. Поле, на котором никто не хочет работать, становится заброшенным, и сами по себе инвестиции его не вспашут. В современном российском обществе принимаемый молодежью стандарт «нормальной жизни» не предполагает жизнь в маленьком населенном пункте с архаичными социальными условиями и работу в сельском хозяйстве. Как отмечает А.А. Каганович, здесь действуют механизмы глобализации и информационной проницаемости, которые подчеркивают территориальные контрасты и формируют соответствующее сознание молодежи, которая уже не представляет свою жизнь в такой среде [Каганович 2007, с. 59]. Таким образом, феномен опустынивания не объясним в сугубо экономических терминах. Экзистенциальный вопрос «зачем жить в плохих не только климатических, но теперь и социальных условиях?» стал очень актуален. Особенность Севера обусловлена низкой плотностью населения и огромными пространствами, и скорость сжатия

и депопуляции возрастает по мере удаления от региональной столицы и крупных транспортных осей [Шелудков, Орлов 2019].

Во-вторых, земли, прежде определявшиеся и работниками, и государством в терминах социального и личного выживания («был бы хлеб, а за ценой не постоим»), теперь рассматриваются частным бизнесом в терминах рынка, что означает выход на первый план эффективности производства, измеряемой как соотношение затрат и прибыли, и в этих условиях старый Русский Север становится неконкурентоспособным.

Проблематизация жизненной ситуации актуализируется и формированием общества потребления. В массовом масштабе возникает культура, опирающаяся на принципы гедонизма и индивидуализма: количество молодых людей, которые ради блага Родины готовы провести лучшие, а то и все годы своей жизни в глухом городке или поселке, стало резко сокращаться. Ответа на экзистенциальный вопрос «зачем жить в холодном рабочем поселке и работать на лесозаготовках, если можно стоять охранником в московском магазине и пользоваться всеми благами цивилизации?» не появилось. Молодежь, окончивая школу и получая право самостоятельно определять дальнейшую судьбу, без колебаний отправляется в Москву или Санкт-Петербург, как минимум – в региональные центры, которые в постсоветскую эпоху стали жертвами ускорившегося процесса провинциализации, куда почти прекратился приток выпускников вузов и специалистов из обеих столиц. Отмена принудительного распределения ликвидировала и прежние причины, по которым выпускники ехали в регионы, даже если это родные места, да и северные надбавки столичным специалистам кажутся совершенно смешными стимулами. Московские вузы, притягивая лучших абитуриентов из регионов, готовят специалистов преимущественно для столицы, а региональным университетам приходится довольствоваться набором студентов по остаточному принципу. Если в Москве на 10 тыс. жителей приходится 733 студента, то в рассматриваемых регионах – от 243 (Архангельская область) до 290 студентов (Вологодская область) [Регионы России (1) 2014, с. 286–287].

В постсоветский период региональные центры стали заложниками тренда к социальному закрытию: здесь выпускники местных вузов, закончившие местную аспирантуру, становятся профессорами, готовящими новое поколение; аналогичная ситуация складывается в сфере культуры и управления. Местные театры перестали быть, как в прежнюю эпоху, местами, где столичные режиссеры отбирали будущих звезд. Теперь селекционная площадка сместилась в столичные вузы: будущие звезды просто не выезжают из Москвы, где рынок творческих профессий процветает. Кругооборот кадров между столицей и северными регионами свелся к минимуму.

Происходит неуклонное цивилизационное сжатие: население не только продолжает уходить из деревни в города (это давний процесс), но и стягивается из северных регионов в центр страны, прежде всего в столицу, в меньшей мере – в Санкт-Петербург. Социальный географ Т.Г. Нефедова объясняет этот феномен в экзистенциальных терминах: «Когда в регионах безработица, а в Москве – огромный рынок труда, когда зарплаты в Московской области в два раза выше, чем в окружающих ее районах, а зарплаты в Москве в два раза выше, чем в Московской области, то любой нормальный человек, естественно, будет ехать туда, где есть работа и где есть деньги» [Нефедова 2011].

Процесс цивилизационной экспансии, длившейся много веков, сменился на старом Русском Севере цивилизационным сжатием, протекающим на двух уровнях. Во-первых, это урбанизация, развернувшаяся еще с начала XX в. и даже раньше, достигшая максимального уровня во второй половине XX в. Население неудержимым потоком покидало сельские населенные пункты и малые города и уходило в большие города. Этот процесс одни описывают как катастрофу, другие – как «управляемое или планируемое сжатие», результатом которого стало социальное опустынивание веками осваивавшихся сельских территорий: заброшенные деревни и поля превратились в типичный элемент северного ландшафта. А.А. Каганович определяет этот феномен как «демографическо-социально-экономическо-информационную пустыню» или просто «пустынную сельскую местность» [Каганович 2007].

Во-вторых, на рубеже XX–XXI вв. заметные масштабы приобрела миграция из регионов старого Русского Севера в столицу и другие центральные города. При этом пошел отток населения (в первую очередь наиболее активной и образованной молодежи) не только из сельской местности, но и из городов региона.

Первый уровень миграции еще можно объяснить сугубо экономическими обстоятельствами: северное сельское хозяйство не выдерживает свободной конкуренции с аграриями юга России и зарубежных стран, оно уже не нуждается в большом количестве рабочих рук, а сельское население не стремится заниматься тяжелым и плохо оплачиваемым трудом. Однако в экономических терминах нельзя убедительно объяснить отток населения, занятого в других отраслях. Нищенская заработная плата на многих предприятиях региона и в бюджетной сфере является следствием территориальной концентрации власти, которая сопровождается синхронной концентрацией бизнеса. Относительно хороший уровень оплаты труда в Москве обусловлен отнюдь не столь же значимым превосходством местной экономики по отношению к регионам. Высокий уровень доходов центральной бюрократии и территориально тяготеющего к ней менеджмента не вытекает из высокой эффективности их труда – это следствие административного распределения. Логика государственного капитализма лишь частично связана с рынком.

Заключение

Каждая эпоха имела свой достаточно убедительный ответ на вопрос «зачем жить на Севере?». Это обеспечивало цивилизационную экспансию, энергию которой давала не только государственная политика, но и личностные устремления людей к самореализации, понимаемой в терминах конкретных исторических этапов. В настоящее время вопрос остался, но вразумительного ответа нет, и старые объяснения уже не относятся к современной реальности.

Давным-давно Север перестал быть зоной относительной социальной и духовной свободы, равно как (существенно позже) огромной тюрьмой и относительно недавно местом, куда ехали зарабатывать деньги и делать карьеру. Нет разумных ответов на вопрос «зачем жить в холодной глуши, если можно в относительно теплом цивилизованном месте?». Принуждение к самопожертвованию «во имя интересов Родины» не действует уже ни в репрессивных, ни в моральных формах.

Остается только объяснение через социальную инерцию, но сугубо личностного и семейного уровня. Здесь возникли разнообразные эффекты давно проторенной социальной колеи, по которой, кажется, идти проще (даже если впереди просматривается только тупик), чем выйти из нее и где-то начинать с нуля. К элементам такой личностной колеи относятся когда-то полученное или купленное жилье, продав которое, в большом городе уже ничего не купишь; это привычные социальные и родственные сети; это еще имеющаяся здесь работа при отсутствии надежды, что в другом месте в зрелом возрасте можно найти что-то сопоставимое; это привязанность к спокойному образу жизни, составной частью которого на Севере часто являются рыбалка, охота, сбор грибов и ягод, создание семьи и рождение ребенка. Однако это колея взрослых семейных людей, которая для молодежи обрывается с окончанием школы. В итоге мы наблюдаем тренд к депопуляции: первыми жертвами стали деревни и села, сейчас этот процесс захватывает и районные центры, причем его симптомы (но пока только на качественном уровне – вымываются наиболее подготовленные и активные) заметны и в региональных центрах, правда, статистически их демографическая картина выглядит относительно благополучно за счет миграции сюда жителей сел и деревень.

Происходящее цивилизационное сжатие фиксируется на двух уровнях: во-первых, продолжается развернувшаяся еще в советскую эпоху урбанизация, во-вторых, идет отток из северных регионов в целом в центральные города страны, особенно в Москву. Одним исследователям этот процесс представляется катастрофическим, другим – «управляемым или планируемым сжатием». При этом сам процесс нельзя объяснить в терминах естественного рыночного развития, так как высокая эффективность московского рынка труда и капитала вытекает не из логики рынка, а властной централизации.

Литература

- Гидденс Э. (2005) Устроение общества: очерк теории структуризации. М.: Академический проект.
- Дементьев В.С. (2017) Динамика численности и этнического состава населения Псковской губернии и соседних территорий в XVIII – первой половине XIX вв. // Псковский регионологический журнал. № 3. С. 138–157.
- Динамика численности населения регионов России в 2015 г. (2017) // AfterShock. 12 января 2017 // <https://aftershock.news/?q=node/475336&full>
- Доброноженко Г.Ф., Шабалова Л.С. (1997) Спецпереселенцы в Коми АССР: 1945–1950 гг. (Статистическо-географический аспект). Из архивов МВД Республики Коми // Рубеж. Альманах социальных исследований. № 10–11. С. 232–241 // <http://ecsocman.hse.ru/data/561/310/1217/017dOBRONOVENKOyABALOWA.pdf>
- Доброноженко Г.Ф., Шабалова Л.С. (2001) Кулацкая ссылка в Коми области в первой половине 1930-х годов // Покаяние: Мартиролог. Т. 4. Ч. 1. Сыктывкар: Покаяние. С. 17–123.
- Жаков К.Ф. (1996) Сквозь строй жизни. Сыктывкар: Коми книжное издательство.
- Жеребцов И.Л. (1989) Миграции населения Коми края в период феодализма. Сыктывкар.
- Жеребцов И.Л., Попов А.А., Сметанин А.Ф. (ред.) (2011) История Коми с древнейших времен до современности. Т. 2. 2-е изд. Сыктывкар: Анбур.
- Ильин В.И. (2010) Российская глубинка в социальной структуре России // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 13. № 4. С. 25–47.

- Ильин В.И. (2016) Методологический поворот к экзистенциальной повседневности // Проблемы теоретической социологии. Выпуск 11. СПб.: Астерион. С. 148–164.
- Ильин В.И. (2017) Жизненная колея и социальный серфинг как модели социальной мобильности // Socio Time / Социальное время. № 2(10). С. 66–81.
- Ильин В.И. (2019) Социальный серфинг как модель молодежного образа жизни // Мониторинг общественного мнения. № 1. С. 28–48.
- Каганович А.А. (2007) Модели пространственно-экономического сжатия сельских территорий России // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. № 4. С. 57–61.
- Канев С. (1990) Каллистрат Жаков: Жизнь и судьба. Сыктывкар.
- Коротаев В.И. (2004) На пороге демографической катастрофы: принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 30-е годы XX века: Монография. Архангельск: Поморский университет.
- Коротаев В.И. (2012) Проблемы колонизации и спецколонизации русского Севера / Северного края и опыт их решения во второй половине XIX первой трети XX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 1. С. 26–35 // <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kolonizatsii-i-spetskolonizatsii-russkogo-severa-severnogo-kraja-i-opyt-ih-resheniya-vo-vtoroy-polovine-xix-pervoy-treti-xx-veka>
- Левин К. (2000) Теория поля в социальных науках. СПб.: Услов.
- Лыткина Т.С., Смирнов А.В. (2019) Российский Север в условиях глобальной неолиберальной политики: преодоление пространственного неравенства или вытеснение? // Мир России. Т. 28. № 3. С. 27–47. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-3-27-47
- Лыткина Т.С., Фаузер В.В. (2016) Государственное управление принудительной миграцией как способ освоения Севера России в 1930–1950-е гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. № 1. С. 90–109.
- Манаков А.Г. (2016) Динамика численности и этнического состава населения Северо-Запада России в XVIII–XIX вв. // Псковский регионологический журнал. № 1(25). С. 59–81.
- Нефедова Т.Г. (2012) Сжатие и поляризация сельского пространства России // Демоскоп. № 507–508 // <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0507/analit01.php>
- Посевные площади в регионах России 1970–2015 гг. (2017) // ПолитИнформация. 14 февраля 2017 // <https://www.politinform.ru/ekonomika-i-finansy/69276-posevnye-ploschadi-v-regionah-rossii-1970-2015-gg.html>
- Рашин А.Г. (1956) Население России за 100 лет (1813–1913 гг.). Статистические очерки. М.: Государственное статистическое издательство // <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/rashyn/rashyn.html>
- Регионы России (1) (2014). Социально-экономические показатели. Официальное издание. Стат. сб. М.: Росстат.
- Регионы России (2) (2014). Основные социально-экономические показатели городов. Официальное издание. Стат. сб. М.: Росстат.
- Росс Л., Нисбетт Р. (1999) Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М.: Аспект Пресс.
- Сартр Ж.-П. (1989) Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат. С. 319–344.
- Сартр Ж.-П. (1994) Проблемы метода. М.: Прогресс.
- Сорокин П. (1991) Долгий путь. Сыктывкар: СЖ Коми ССР, МП «Шипас».
- Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике по субъектам Российской Федерации за 2000–2018 гг. // Федеральная служба государственной статистики // https://www.gks.ru/labor_market_employment_salaries?print=1
- Тощенко Ж.Т. (2016) Социология жизни. М.: Юнити.
- Тощенко Ж.Т., Великий П.П. (2018) Основные смыслы жизненного мира сельских жителей // Мир России. № 1. С. 7–33. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33
- Урри Дж. (2012) Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М.: ВШЭ.

- Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. (2015) Государственное управление миграцией населения: от принуждения к поощрению // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ (электронный журнал). № 3. С. 151–168.
- Фаузер В.В., Назарова И.Г., Фаузер Вл.В. (2010) Социально-трудовые отношения: содержание, механизм управления, зарубежный опыт. Сыктывкар-Ухта: УГТУ.
- Фаузер В.В., Парначев А.А. (1998) Сельское население северного региона: проблемы воспроизводства и занятости. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН.
- Шелудков А.В., Орлов М.А. (2019) Топология сети населенных пунктов как фактор динамики сельского расселения (на примере Тюменской области) // Известия РАН. Серия географическая. № 4. С. 46–62. DOI: 10.31857/S2587-55662019446-62
- Штомпка П. (2009) В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социологические исследования. № 8. С. 3–13.
- Щербакова Е. (2011) Число сельских населенных пунктов и поселков городского типа продолжает снижаться // Демоскоп. № 475–476 // <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0475/barom03.php/>
- Thomas W.I., Thomas D.S. (1928) *The Child in America: Behavior Problems and Programs*, New York: A.A. Knopf.

People in the Old Russian North: between Free Will and Structural Coercion (A Historical Essay in Terms of Existential Sociology)

V. ILYIN*

*Vladimir Ilyin – DSc in Sociology, PhD in History, Professor, Department of Sociology of Culture and Communications, Saint-Petersburg State University; Associate Researcher, Sociological Institute of RAS. Address: 1/3, Smolnogo St., Saint-Petersburg, 191124, Russian Federation. E-mail: ivi-2002@yandex.ru

Citation: Ilyin V. (2020) People in the Old Russian North: between Free Will and Structural Coercion (A Historical Essay in Terms of Existential Sociology). *Mir Rossii*, vol. 29, no 3, pp. 6–27 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-3-6-27

Abstract

This article analyzes population mobility in the old Russian North in terms of existential sociology. It is based on a secondary analysis of historical literature and official statistics. The key research questions are: why did people live and continue to live in adverse climatic conditions, even if there are other options in Russia? Why do they leave these places, where their ancestors have lived for centuries?

Migration is explained by specific historical factors that are beyond the control of individuals: natural conditions, the economic and geopolitical situation, state domestic policy, cultural systems, etc. However, individuals have a certain freedom in deciding

on their life goals and the means of achieving them, even if their choice sets are bound by objective conditions. The integration of two types of mobility factors occurs through the individualization of circumstances. In the same conditions, different individuals choose different strategies of behavior, based on their individual capabilities and their personal aspirations, imbued with the spirit of the time. As a result, in each historical period, we observe a particular set of dominant or significant models of mobility characterized by a certain degree of individual freedom, and a set of motives for mobility.

Today, mobility in the old Russian North is not only due to its socio-economic development, neoliberal reforms and the regional policies of the center, but also due to a dramatic shift in the system of dominant value orientations, in which the hedonistic values of the consumer society occupy an increasingly prominent place. The result is a trend towards the depopulation of the region and the social desertification of northern rural areas.

Key words: existential sociology, sociology of life, the Russian North, social compression, mobility, life world, social navigation system, meaning of life, social self-realization

References

- Dement'ev V.S. (2017) Dinamika chislennosti i etnicheskogo sostava naseleniya Pskovskoj gubernii i sosednikh territorij v XVIII – pervoj polovine XIX vv. [The Dynamics of Population Size and Ethnic Composition of the Population of Pskov Province and the Neighboring Territories in the XVIII – First Half of the XIX centuries]. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal*, no 3, pp. 138–157.
- Dinamika chislennosti naseleniya regionov Rossii v 2015 g. [The Dynamics of Population Size in Russian Regions in 2015] (2017). *AfterShock*, January 12, 2017. Available at: <https://aftershock.news/?q=node/475336&full>, accessed 21.04.2020.
- Dobronozhenko G.F., Shabalova L.S. (1997) Spetspereselentsy v Komi ASSR: 1945–1950 gg. Iz arkhivov MVD Respubliki Komi [Special Settlers in the Komi Republic: from 1945 to 1950. From Archives of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Komi]. *Rubezh. The Almanac of Social Researches*, no 10–11, pp. 232–241. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/561/310/1217/017dOBRONOVENKOyABALOWA.pdf>, accessed 21.04.2020.
- Dobronozhenko G.F., Shabalova L.S. (2001) Kulatskaya ssylka v Komi oblasti v pervoj polovine 1930-kh godov [Kulak Exile in the Komi Region in the First Half of the 1930s]. *Pokayanie: Martirolog*, vol. 4, ch. 1, Syktyvkar: Komi foundation «Pokayanie», pp. 17–123.
- Fauzer V.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N. (2015) Gosudarstvennoe upravlenie migratsiej naseleniya: ot prinuzhdeniya k pooshchreniyu [Public Administration of Migration: from Coercion to Promotion]. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa: Vestnik NIC KPUVI SyktGU*, no 3, pp. 151–168.
- Fauzer V.V., Nazarova I.G., Fauzer V.I.V. (2010) *Sotsial'no-trudovye otnosheniya: sodержanie, mekhanizm upravleniya, zarubezhnyj opyt* [Social and Labor Relations: Content, Management Mechanism, Foreign Experience], Syktyvkar-Ukhta: UGTU.
- Fauzer V.V., Parnachev A.A. (1998) *Sel'skoe naselenie severnogo regiona: problemy vosproizvodstva i zanyatosti* [Rural Population of the Northern Region: Problems of Reproduction and Employment], Syktyvkar: Komi nauchnyj tsentr UrO RAN.
- Giddens A. (2005) *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration], Moscow: Akademicheskij proekt.

- Ilyin V.I. (2010) Rossijskaya glubinka v sotsial'noj strukture Rossii [Russian Hinterland in the Social Structure of Russia]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 13, no 4, pp. 25–47.
- Ilyin V.I. (2016) Metodologicheskij povorot k ekzistentsial'noj povsednevnosti [Methodological Turn to Existential Everyday Life]. *Problemy teoreticheskoy sotsiologii*. Issue 11, Saint Petersburg: Asterion, pp. 148–164.
- Ilyin V.I. (2017) Zhiznennaya koleya i sotsial'nyj serfing kak modeli sotsial'noj mobil'nosti [Individual Path Dependency and Social Surfing as Models of Social Mobility]. *Socio Time / Sotsial'noe vremya*, no 2(10), pp. 66–81.
- Ilyin V.I. (2019) Sotsial'nyj serfing kak model' molodezhnogo obraza zhizni [Social Surfing as a Model of Youth Lifestyle]. *Monitoring of Public Opinion*, no 1, pp. 28–48.
- Kaganovich A.A. (2007) Modeli prostranstvenno-ekonomicheskogo szhatiya sel'skikh territorij Rossii [The Models of Spatial and Economic Compression of Rural Territories of Russia], *Proceedings of St. Petersburg State University of Economics*, no 4, pp. 57–61.
- Kanev S. (1990) *Kallistrat Zhakov: Zhizn' i sud'ba* [Callistrat Jacov: Life and Destiny], Syktyvkar.
- Korotaev V.I. (2004) *Na poroge demograficheskoy katastrofy: prinuditel'naya kolonizatsiya i demograficheskij krizis v Severnom krae v 30-e gody XX veka* [On the Threshold of Demographic Catastrophe: Forced Colonization and Demographic Crisis in the Northern Territories in the 30s of the XX Century: a Monograph], Arkhangel'sk: Pomorskij universitet.
- Korotaev V.I. (2012) Problemy kolonizatsii i spetskolonizatsii russkogo Severa / Severnogo kraja i opyt ikh resheniya vo vtoroj polovine XIX pervoj treti XX veka [The Problems of Colonization and Special Colonization of the Russian North / Northern Region in the Second Half of the 19th – the First Third of the 20th Century]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, no 1, pp. 26–35. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kolonizatsii-i-spetskolonizatsii-russkogo-severa-severnogo-kraja-i-opyt-ih-resheniya-vo-vtoroy-polovine-xix-pervoy-treti-xx-veka>, accessed 21.04.2020.
- Levin K. (2000) *Teoriya polya v sotsial'nykh naukakh* [Theory of Field in Social Sciences], Saint Petersburg: Sensor.
- Lytkina T.S., Fauzer V.V. (2016) Gosudarstvennoe upravlenie prinuditel'noj migratsiej kak sposob osvoeniya Severa Rossii v 1930–1950-e gg. [Forced Migration as a Way of Development in the Russian North in the 1930s–1950s]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, no 1, pp. 90–109.
- Lytkina T.S., Smirnov A.V. (2019) Rossijskij Sever v usloviyakh global'noj neoliberal'noj politiki: preodolenie prostranstvennogo neravenstva ili vytesnenie? [The Russian North in the Context of Global Neoliberal Politics: Overcoming Spatial Inequality or Expulsion?]. *Mir Rossii*, vol. 28, no 3, pp. 27–47. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-3-27-47
- Manakov A.G. (2016) Dinamika chislennosti i etnicheskogo sostava naseleniya Severo-Zapada Rossii v XVIII–XIX vv. [The Dynamics of Population Size and Ethnic Composition in the North-West of Russia in the XVIII–XIX centuries]. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal*, no 1(25), pp. 59–81.
- Nefedova T.G. (2012) Szhatie i polarizatsiya sel'skogo prostranstva Rossii [Compression and Polarization of Rural Space of Russia], *Demoskop*, no 507–508. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0507/analit01.php>, accessed 21.04.2020.
- Posevnye ploshchadi v regionakh Rossii 1970–2015 gg. [The Acreage in Russian Regions in 1970–2015] (2017). *PolitInformatsiya*, February 14, 2017. Available at: <https://www.politinform.ru/ekonomika-i-finansy/69276-posevnye-ploshchadi-v-regionah-rossii-1970-2015-gg.html>, accessed 21.04.2020.
- Rashin A.G. (1956) *Naselenie Rossii za 100 let (1813–1913). Statisticheskie ocherki* [Russia's Population Over 100 Years (1813–1913). Statistical Essays], Moscow: Gosudarstvennoe statisticheskoe izdatel'stvo. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/rashyn/rashyn.html>, accessed 21.04.2020.
- Regiony Rossii* (1) (2014). Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. Ofitsial'noe izdanie [Russian Regions. Socio-economic Indicators. Official Publication], Moscow.
- Regiony Rossii* (2) (2014). Osnovnye sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli gorodov. Ofitsial'noe izdanie [Russian Regions. Socio-economic Indicators. Official Publication], Moscow.

- Ross L., Nisbett R. (1999) *Chelovek i situatsiya. Uroki sotsial'noj psikhologii* [The Person and the Situation: Perspectives of Social Psychology], Moscow: Aspekt Press.
- Sartre J.-P. (1989) Ekzistentsializm – eto gumanizm [Existentialism is a Humanism]. *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods], Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury, pp. 319–344.
- Sartre J.-P. (1994) *Problemy metoda* [Problems of Method], Moscow: Progress.
- Shcherbakova E. (2011) Chislo sel'skikh naseleennykh punktov i poselkov gorodskogo tipa prodolzhaet snizhat'sya [The Number of Rural and Urban Settlements Continues to Decline]. *Demoskop*, no 475–476. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0475/barom03.php>, accessed 12.12.2019.
- Sheludkov A.V., Orlov M.A. (2019) Topologiya seti naseleennykh punktov kak faktor dinamiki sel'skogo rasseleniya (na primere Tyumenskoj oblasti) [Settlement Network Topology as a Factor of Rural Population Dynamics (A Case Study of Tyumen Oblast)]. *Izvestiya Rossiiskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya*, no 4, pp. 46–62. DOI: 10.31857/S2587-55662019446-62
- Shtompka P. (2009) V fokuse vnimaniya povsednevnyaya zhizn'. Novyj povorot v sotsiologii [The Focus Is on Everyday Life. A New Turn in Sociology]. *Sociological Studies*, no 8, pp. 3–13.
- Sorokin P. (1991) *Dolgij put'* [The Long Way], Syktyvkar: Komi SSR, “Shipas”.
- Srednemesyachnaya nominal'naya nachislennaya zarabotnaya plata rabotnikov po polnomu krugu organizatsij v tselom po ekonomike po sub'ektam Rossijskoj Federatsii za 2000–2018gg. [Average Monthly Nominal Accrued Wages of Employees in a Full Range of Organizations in the Entire Economy in the Regions of the Russian Federation during 2000–2018]. *Federal State Statistic Service*. Available at: https://www.gks.ru/labor_market_employment_salaries?print=1, accessed 21.04.2020.
- Thomas W.I., Thomas D.S. (1928) *The Child in America: Behavior Problems and Programs*, New York: A.A. Knopf.
- Toshchenko Zh.T. (2016) *Sotsiologiya zhizni* [Sociology of Life], Moscow: Yuniti.
- Toshchenko Zh.T., Velikij P.P. (2018) Osnovnye smysly zhiznennogo mira sel'skikh zhitelej [The Key Meanings of the Lifeworld of Rural Residents in Russia]. *Mir Rossii*, no 1, pp. 7–33. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33
- Urry J. (2012) *Sotsiologiya za predelami obshchestv. Vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya* [Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century], Moscow: HSE.
- Zhakov K.F. (1996) *Skvoz' stroj zhizni* [Through the System of Life], Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo.
- Zherebtsov I.L. (1989) *Migratsii naseleniya Komi kraja v period feodalizma* [Migration in the Komi Region during Feudalism], Syktyvkar.
- Zherebtsov I.L., Popov A.A., Smetanin A.F. (eds.) (2011) *Istoriya Komi s drevnejshikh vremen do sovremennosti* [History of Komi from Ancient Times to the Present], Syktyvkar: Anbur.